

ТЮМЕНСКАЯ ПРАВДА

<http://tyum-pravda.ru>

Декабрь 2024 года

№ 4 (1990)

КАДРОВОЕ ДОМИНО

...Прокуратура разбирается. Это сейчас и здесь. Я же о том, что было немного раньше. Память дырявая, но цифра в фотокамере «Никсон» – вещь надёжная. В кадре момент: крыльцо здания областного правительства – это задний план. На переднем главное: яма и провалившаяся в неё машина.

Чиновники разобрались. Значит, компания УСТЭК чинила теплотрассу. Трубу заварили, а траншею сначала забросали мусором, сверху засандалили асфальт. Через месяц-другой бытовые отходы сгнили и образовалась пустота. В неё-то и ухнула подвижная единица.

Чиновники отметили: в штате конторы исполнителя работ нет ни одного инженера, сплошь юристы и экономисты.

Говорят, кто старое помянет... Увы, пришлось. Потому что ви-

новником «торжества» снова оказалась та же компания – УСТЭК. Товарищи из Екатеринбурга прислали мне видеоролик с эпиграфом: «Смотрите, что у вас в Тюмени творится!» Зачем эти вопли, коль скоро всё происходит под моими окнами: не у губернатораского офиса, а по улице Самарцева.

Ещё год назад прорвало коммуникацию – магистральный теплопровод, идущий от ТЭЦ-2. Могу фото представить: та-а-акой катаклизм – горячий пар хлещет,

всю округу заволокло, ничего не видно. В атмосфере тепла – море, зато в ближайших домах холодрыга.

Компания всё лето и две трети осени чинила, перекрыв движение по улице. Процесс занял много-много миллионов, наших с вами, граждане, денег. Всё заварили, открыли движение. И тут снова рвануло: на том же месте.

С дорожным покрытием всё путем. Верхний слой асфальта уложили ребята из ДСУ холдинга «Мостострой-11». По крайней мере, у них лицензия имеется. Правда, недоделали: нет горизонтальной и вертикальной разметки, ну, «зебры» нема. Именно в тот момент, когда воткнул в текст

последнюю точку, к остановке под моим балконом подкатил автобус маршрута № 85. Я бы поостерёгся запускать здесь автобусное движение. Задавит ЛиАЗ земляка-недотёпу на автомагистрали с огрехами, отвечать придётся «Тюменьгортранс».

Думаю, скоропалительно открыли автобусное движение по улице Самарцева. Правда, через день «зебру» изладили. Хотя не очень красиво... Краска облупилась через три дня эксплуатации. Есть кадры фотообвинения. Как назвать? Халтура? Неумехи?

Недотёпы водятся в любой конторе. Хуже, когда вообще некому работать. В России дефицит кадров составляет 4,8 миллиона человек. Цифра была объявлена до февраля 2024 года. Сегодня, думается, напряжёнка с рабсилой более объёмна. А отсюда и дурные последствия.

Вот пресловутый УСТЭК обещал закончить работы по капремонту «магистралки» по Самарцева к августу, будет замечательно, если справятся к Новому году. Похоже, людей не хватает. Не так давно все эти теплотрассы находились под «крышей» финского концерна «Фортум». Последний в плане санкций покинул наши города и веси. Наверное, и хорошие кадры забрал к себе в Суоми.

Но не обязательно, что оставшиеся электросварщики криворуки. Может, электроды хилые. Может, металл в коммуникациях не соответствует ГОСТу. Может, мастер недосмотрел – потому что недолечили его в участковой поликлинике от хвори – врачей у нас тоже мало, особенно хороших. Повторюсь, прокуратура города Тюмени выяснит все обстоятельства.

Тут такое дело, этакое кадровое домино: «пусто-пусто» – и всё валится одно за другим. К месту будет привести маленький фрагмент из анализа видного экономиста (в Сети найдёте полную статью):

«Если убрать из экономики России 300 тысяч мужчин (призыв, эпидемия, миграция), то ВВП упадет на 0,5–0,7%. Если говорить о миллионных или двухмиллионных выбытиях рабочей силы, то ВВП потеряет соответственно 5–7 и 12–15 процентов ВВП».

Окончание на странице 5.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

ТАК БЫЛО...

О ТОМ, КАК МИТИНГ РАСЦВЕТУ ПОМЕШАЛ

Стр. 2

МНОГОГРАННОСТЬ

«ЖИТЬ РАДИ СЕБЯ НЕ ЭГОИЗМ, А НЕОБХОДИМОСТЬ»

Стр. 3

ПРОФЕССИОНАЛЫ

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИТ В ЭТОТ МИР С МИССИЕЙ

Стр. 4-5

ПОКА ПУСТО, НО...

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ...

Стр. 5

ПО ПОВОДУ

И ПРИСНИЛСЯ ШАРАПОВУ СОН...

Стр. 6

С НАСТУПАЮЩИМ!

РЕПОРТАЖ ПОД ОБЛАКАМИ

Стр. 7-8

ТАК БЫЛО...

А МОГ ПРОПИСАТЬСЯ В ЯРКОВО

О ТОМ, КАК МАССОВЫЕ ПРОТЕСТЫ ЗЕЛЁНЫХ ПОСТАВИЛИ КРЕСТ НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РАЙОНА

Митинг зелёных

В газете «Ярковские известия» недавно вспомнили историю с несостоявшимся строительством химического и металлургического заводов. Я в то время работал секретарём райкома КПСС по идеологии, так что был не только свидетелем, участником, но и действующим лицом тех событий. Шел 1988 год. Выдвинутая Компартией Продовольственная программа скрипела и буксовала. И вот в её русле запланировали строительство ещё одного завода по производству минеральных удобрений. К удивлению местных властей выбор пал на Ярковский район.

Впрочем, место было действительно подходящее: есть железнодорожная магистраль, федеральная автотрасса, судоходная река, газо- и нефтепроводы, линии электропередачи большой мощности. Площадку для завода выбрали в эпицентре этих коммуникаций. Близость к Тюмени и Тобольску решала проблему с рабочими кадрами. В общем, с производственной стороны всё прекрасно. Удовлетворение выбором выразил в разговоре с руководством района специально побывавший в Ярково министр химической промышленности СССР Юрий Беспалов. Экологические соображения не то чтобы обходили стороной, они как бы отпадали сами собой: площадка, как говорится, в чистом поле, на значительном расстоянии от населённых пунктов. Географически это неподалёку от озера Абаевского.

Но эоактивисты забили тревогу. Причём взбунтовались сначала тюменцы, лучше владеющие информацией о новой стройке, а затем и ярковчане. На центральной площади перед зданием райкома организовался многолюдный митинг протеста. Замечу, что и первый секретарь обкома Геннадий Богомяков, и первый секретарь Ярковского райкома Алексей Матрёнин поддерживали проект. В день, когда проходил митинг, Матрёнин взял

командировку в совхоз «Маяк». Перед отъездом сказал мне: «Тут телевидение должно приехать, выступи». «Но ты же знаешь», – ответил я, – у меня иная позиция». Он махнул рукой и уехал.

Меня удивило, что первый секретарь оставляет вопрос на произвол судьбы. Но, оказалось, выразить свою позицию перед телевидением Матрёнин поручил Владимиру Блему, председателю райисполкома. К нему и направились телевизионщики. В это время и я вышел на площадь. Меня сразу же обступила толпа и состоялся такой диалог: «Юрий Семёнович, вы за завод или против?» – «Конечно, против». – «А почему не выступите? Вон телевидение приехало». – «Так меня никто не спрашивает...»

Но тут и ребята с телекамерой подоспели. Был месяц май, и поскольку, как выяснилось, они знали, что я против завода, подвели меня под яблоньки, что цвели тут же, возле райкома. Подчеркну: под цветущие яблоньки. Урагующего за завод председателя райисполкома интервью брали в чиновничьем кабинете – всё продумали тележурналисты. В интервью я сказал: против завода потому, что из-за несовершенства технологического процесса половина полей в районе будет удобряться прямо из заводской трубы. Примерно пятая часть продукции каждого завода не

доходит до поля, теряясь при транспортировке, при безалаберном хранении. Вот что, мол, надо налаживать, а не выбрасывать деньги на ветер, убивая при этом природу.

Хочу заметить: этот стихийный митинг меня удивил и порадовал. Напомню, одной из важных задач партия ставила воспитание у граждан нашей страны активной жизненной позиции. И вот она, эта активная позиция, в коей была немалая частица труда и моих коллег по идеологической работе... Потом подобных протестных митингов будет немало, но этот, пожалуй, был первым не только в Ярково, но и в области.

Телевидение смонтировало фильм, где кроме упомянутых интервью и митинга показало прекрасную природу района, которую просто грех губить. Фильм прошёл и по центральному телевидению. Не прислушаться к мнению людей власти не могли, и на скандальном проекте был поставлен крест. Но уж очень привлекательной оказалась выбранная под промышленный объект площадка, были затрачены средства на его изучение, проведены изыскательские работы. И Москва решила посадить на месте несостоявшегося предприятия завод по переработке металлолома.

Решение понятное и очень актуальное. Говоря простым языком, лома было навалом: вышедшие из строя детали от трактора, комбайна лежали чуть не под каждым кустом. Территории вокруг МТМ вообще представляли из себя кладбища железа. А вот официальные цифры из технико-экономического обоснования по строительству завода: «В

экономическом районе, расположенном восточнее Урала, имеется в настоящее время избыток металлолома в объёме около 1,5 миллиона тонн... В перспективе ресурсы лома, образующиеся в Тюменской области, составят в 1995 году 1 020 тысяч тонн».

Завод ориентировали главным образом на производство сварных труб – до 400 тысяч тонн протяжённостью более 130 тысяч километров. Предполагаемая площадь завода в ограде (именно так в документе – в «ограде»; видимо, предусматривался забор и пропускной режим) – 49 гектаров. Стоимость строительства оценивалась в 350 миллионов рублей, из них 50 миллионов рублей на жилищно-гражданское строительство и соцкультбыт. Окупаемость проекта – 8 лет. Срок строительства 3 года. Численность работающих – 2 тысячи человек. То есть нашлось бы дело не только для ярковских безработных, вакансий хватало бы и для соседних районов.

Однако напуганные зелёные выступили и против этого (вполне экологичного) объекта. Тогда было решено свозить делегацию на подобное уже действующее предприятие в белорусский город Жлобин. Большинство из тех, кто там побывал (формировал список я, но сам из-за занятости поехать не смог, о чём пришлось потом сожалеть), высказывались положительно: да там возле цехов цветочки цветут, рассказывали они. Но мнение переломила корреспондент газеты «Тюменский комсомолец», обратившая внимание на «лисий хвост»: так называют рыжий дым, образующийся при разгрузке из печей расплавленного металла. Этого

оказалось достаточно, чтобы эоактивисты сказали нет и этому заводу. Зелёные тогда просто злоупотребили своим влиянием.

Мне трудно сказать, как было там, в Жлобине, но в проекте Ярковского завода предусматривалось помещать электродуговые печи в шумопылезащитные кожухи с отводом газов из свода печей через аспирационные фильтры. То есть это исключало или, по крайней мере, сводило к минимуму появление «лисы хвостов».

Опять же мне трудно судить, как близко к городским кварталам расположены корпуса завода в Жлобине, но Тюменский металлургический находится в черте города – и ничего, с экологией всё в порядке. В ярковском проекте местность позволяла разместить посёлок не ближе 1 километра от завода, как предусматривалось санитарными нормами, а то и вообще не городить огород, а строить жильё для заводчан в Ярково, как поступило, например, руководство газокomppressorной станции. Живут газовики в райцентре, а до работы за 35 километров их доставляет комфортабельный служебный транспорт.

Но всё это для Ярково осталось в прошлом. И если пресловутому химзаводу всё же не нашлось места в области (хотя, как я слышал, была попытка навязать его Уватскому району), то проект металлургического завода 25 лет спустя воплотился в областном центре. Вот некоторые характеристики «Электростали Тюмени», недавно отметившей своё десятилетие. Поставщиком оборудования для предприятия стала итальянская компания Danieli, инвестиции в проект оцениваются в 22 млрд рублей. Завод рассчитан на выпуск 550 тыс. тонн сортового и фасонного проката из рядовых и легированных марок стали, в том числе и высокоточной заготовки для машиностроителей. Предприятие работает на собранном в регионе металлическом ломе, около 80% сырья поступает с ломозаготовительных площадок ЯНАО и Югры. Количество сотрудников около 1,2 тыс. человек. Занимаемая заводом площадь составляет 38,5 гектара.

Замечу, что и «Электросталь Тюмени» активисты встретили в штыки. Были письма, протесты. Но завод построен, успешно работает. Полагаю, что зелёных удовлетворил и показатель эффективности очистки дымовых газов сталеплавильных агрегатов, составляющий 99,4 процента.

Юрий БУБНОВ

/Фото из архива автора/

МНОГОГРАННОСТЬ

ПО ИМЕНИ МАМА

Все счастливые семьи похожи друг на друга, считал Лев Толстой. Суждение великого классика с лёгкостью могли бы опровергнуть тюменки, с которыми я познакомилась в проекте «Многогранность».

Автором проекта является профессиональный фотограф Ирина Квасова, чьи работы украшают обложки не только российских журналов. Герои фотосессий и видеосъёмки – люди разные по роду занятий, как правило, неординарные. В формате камерных рандеву они рассказывают о личном: о поисках себя, о своих победах и ошибках. Так фотографии становятся кадрами с историей.

Очередная встреча, проходившая в рамках нетворкинга «Точка общения» в детской библиотеке имени К.Я. Лагунова, была посвящена теме «Мама – главное слово в каждой судьбе». Историями о мамах поделились женщины, научившиеся благодаря им гармонично сочетать многочисленные социальные роли: жены, матери, дочери, руководителя бизнеса, творческой личности.

ДОРОГА К СЕБЕ

Знакомьтесь: Марина Генцарь-Осипова. В прошлом экономист и успешная бизнес-леди, а сейчас счастливая мама трёх дочек 17, 14 и 9 лет. Писатель, автор 12 книг, из которых 7 – бестселлеры. Основатель онлайн-школы и литературного агентства «Пиши как художник», наставник более 5 000 русско-язычных авторов из 33 стран.

– Перекрыть полностью свою жизнь в 33 года, когда у тебя трое детей и ты состояла профессионально, оказалось не просто, – рассказывает Марина. – Мой самозванец, мой внутренний критик кричал: «Почему ты решила, что сможешь написать хорошую книгу? У тебя ведь нет даже диплома! Кому будет интересно твоя писанина?» Жёсткий опыт самоотверженности... Но он учит человека быть честным с самим собой. Жить так, как тебе удобно, и там, где выбирают тебя – настоящую. С тем цветом помады, который тебе нравится, или без помады вообще. Дружить с тем, с кем тепло и искренно. Быть вместе по любви, а не из чувства долга. Научиться отказываться от ненужного. Разрешать себе говорить «нет» и с радостью – «да». Избавляться от того, что себя изжило, изнашивается, и беречь, что нравится...

Максимально свободными растут дети Марины, особенно младшая дочь. Забавно, но до семи лет она упорно ходила в гости со своей чайной ложкой. Так девочка демонстрировала собственную независимость. Хотим мы этого или нет, наши чада всегда копируют своих родителей и те взаимоотношения, которые сложились в семье. Тысячу раз

был прав Л.Н. Толстой: «Никогда не воспитывайте детей, воспитывайте себя. Всё равно они будут похожи на вас».

– Я отказалась от педагогических сентенций и научилась (не сразу) быть мамой безусловной любви. Мать принимает в своё сердце любых детей – сильных и уязвимых, добрых и несправедливых к ней, успешных и не очень. Она прощает нам любые прегрешения и даёт энергию. У меня с мамой, более 40 лет проработавшей педагогом, отношения складывались не лучшим образом, особенно в подростковом периоде. Понять родную душу я смогла много позже, когда повзрослела, сама стала матерью и заглянула в её детство. Тогда пришла к маме, обняла её крепко-крепко и сказала: «Я люблю и принимаю тебя такой, какая ты есть!»

Жить ради себя – это не эгоизм, считает Марина, а необходимость. Когда ты сосредоточиваешься на своих интересах и желаниях, то становишься более счастливой и гармоничной. А гармоничный человек лучше взаимодействует с окружающими. Об этом писательница рассказывает в своих книгах.

СПАСИБО ЗА ТО, ЧТО Я ЕСТЬ

Не побоялась протестовать, идти против системы, ещё будучи ребёнком, другая героиня встречи – психолог и педагог Екатерина Федосеева. На вопрос, что взяла она в воспитание своих детей от мамы, неожиданно ответила:

– Если честно, я пошла изучать психологию для того, чтобы будущих сына и дочь воспитывать по-другому. Выросла я в многодетной семье, где учить уму-разуму было принято ремнём. Мои сёстры воспринимали наказания как должное, а я бунтовала. На собственном опыте убедилась: насилием от ребёнка ничего не добьёшься, созидательна только любовь.

В семье, в которой шестеро ребятшек и нет отца, о любви не говорили. Мать до позднего вечера пропадала на работе, чтобы поднять детей. Тут уж не до сантиментов. Екатерина обижалась, были моменты, когда стеснялась, что мать работает техничкой, даже дралась с одноклассниками. О чувствах, переполнявших её, сегодня она рассказывает в пронзительных стихах, посвящённых маме. И оправдывает: «Иначе она не могла – её ведь никто не любил...» Простила и поняла дочь отца, встретившись с ним через 25 лет.

Марина Генцарь-Осипова с юными читательницами

– Благодаря маме я научилась «не прятать в заботы любовь свою». Для меня быть мамой – это давать жизнь новому. Оберегать потом эту новую жизнь, пока не окрепнет, пока не обретёт крылья. И тогда отпускать с любовью и верой в сердце.

Сценарист, автор образовательных выездных программ «Игравитация» для детей и родителей, поэтесса и сказочница, организатор форумов, фестивалей и тематических мероприятий, Екатерина ещё и «мама» камерного Оперного театра. Шутит:

– Прямо сейчас рожаю тройню: бизнес-игру о наставничестве, новый спектакль и концепцию резиденции Деда Мороза в Перевалово. В моей голове бесконечно рождаются творческие замыслы. Рядом муж, дети – Настя, Егор и самый дорогой мне человек – мама. Я счастлива!

МНЕ НРАВИТСЯ БЫТЬ МАМОЙ

Реально ли получить удовольствие от семи лет декрета? Светлана Мушкатова отвечает – да! В детстве ей не хватало любви («меня воспитывала не моя мама»). Этот дефицит с лихвой восполнили дети.

– Я родила троих прекрасных деток и не понимаю мамочек, которые воспринимают время по уходу за малышом как прожитое зря, жалуются на депрессию, говорят, я схожу с ума, скорей бы всё это закончилось... Все три беременности для меня – безусловное счастье. Ни один мой ребёнок не ходил в детский сад, тем не менее они социализированы. Мы посещали разные развивающие центры, библиотеки, много путешествовали всей семьёй. Можно сказать, что 24 на 7 я находилась с детьми, но эмоционального выгорания у меня не было. Мне нравилось быть мамой!

Во время затажного декрета возникла потребность в самореализации. И не только потому,

что роли жены и мамы ей было недостаточно. В какой-то момент поняла, что гиперопека, которой она окружила детей, лишает их самостоятельности. Свою энергию Светлана, окончившая ТюмГУ по специальности «Юриспруденция», направила сначала в ЖКХ, заняв пост руководителя управляющей компании. Работа, несмотря на сложность, отвечала её компетенциям. Но...

– Решая проблемы других, я получала много негатива и домой приходила не в лучшем расположении духа. Это чувствовали дети, муж. И тогда сказала себе: стоп! Всё, что разрушает меня изнутри и причиняет мне дискомфорт, деструктивно влияет на мою семью. Тогда зачем этот трудовой героизм? Разве я не имею право жить в гармонии с собой? Потом Светлана пробовала себя в роли управленца общепита. Была соучредителем мини-пекарни, в ней же кассиром, пекарем, разносчицей. Летом этого года узнала все прелести сетевого парфюмерного бизнеса. Но строит она его с учётом своих потребностей и интересов, ставя себя и семью на первое место.

– Стараюсь прививать детям такие качества, как доброта, способность сопереживать, искренность, справедливость. Мы часто беседуем о жизни, обсуждаем те или иные ситуации. Я доверяю своим детям, и ребяташки моё доверие оправдывают. Самое главное, говорю, вы должны быть счастливыми.

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

У Ольги Седых, преподавателя народного вокала, руководителя фольклорных ансамблей, три дочери. Кто бы мог подумать, что когда-то она боялась быть мамой.

– К моменту появления первого ребёнка я уже состоялась как творческая личность и педагог. У меня было несколько детских коллективов, мы участвовали в конкурсах, успешно выступали.

Мне нравилась яркая насыщенная жизнь, которая с рождением ребёнка, я понимала, закончится. Отсюда и страх. Да, было трудно: училась, работала. Мамы моей к тому времени уже не было, не впасть в отчаяние помогали муж Никита (он регбист) и творчество.

Став трижды мамой, поняла, что творческая натура и любовь к народной песне требуют более мощного выплеска, стала учить пению не только учеников в школе, но и своих домочадцев. Фольклор – это наши истоки, традиции предков. Поэтому дети, соприкасаясь с народной культурой, становятся внутренне богаче, растут добрыми.

– Толчком для развития нашего семейного ансамбля, – продолжает педагог, – стал нынешний Год семьи, благодаря которому появились фестивали, конкурсы для семей, в которых мы участвуем и побеждаем. У нас всегда наготове рюкзаки, мы не сидим на месте. Любим вместе гулять, путешествовать и веселиться.

Благодаря своему упорству и, безусловно, таланту, ансамбль «Семья Седых» завоевал множество наград и призов на районных и городских мероприятиях. Им не скучно друг с другом, и это укрепляет семейные узы. Так творчество стало стилем их жизни.

Ольга исполнила а капелла задорную песню «Хмельёк». Не стали чиниться второклассница Александра и Надя с Катюшей (они пока ходят в детский сад) и тоже сорвали аплодисменты гостей встречи – студентов многопрофильного колледжа ТИУ, мам с детьми. Ну а папу мы могли лицезреть в видеофильме. Колоритная личность!

Примером для самой Ольги была её мама – добрая, честная, справедливая, тоже педагог. О ней дочь говорит только в превосходной степени: «Мама для меня образец, на который я равняюсь. Спасибо, что воспитала меня такой, какая я есть. Благодаря тебе у меня большая и дружная семья. И если мои дочери, повзрослев, спросят меня, как стать счастливой, я отвечу: будьте собой».

– Участницы моего проекта «Многогранность» уникальны по-своему, – говорит Ирина Квасова. – Объединяет их общее: милые, прекрасные дамы научились гармонично сочетать материнство, карьеру, творческие увлечения. Чувствовать любовь к себе. Верить в себя. Смело идти на новый опыт. История каждой из них может послужить кому-то из читателей опорой и поддержкой, кому-то – мотивацией, кому-то – уроком, а кому-то станет просто хорошо и спокойно от осознания, что он не один такой.

Ольга РАДУТНАЯ
/Фото автора/

МИССИЯ АНАТОЛИЯ БРЕХУН

Когда-то давно мы жили с ним в одном районе. Ходили, возможно, по одним дощатым (других попросту не было) тротуарам, местами сильно выщербленным, и ни разу не пересеклись. Не случилось, скорее всего, потому, что в «Советском Заполярье» (п. Тазовский, ЯНАО) на мне, тогдашнем юном завотделом писем, висела бытовка, социалка и лирика без физики. А всем масштабным, промышленно-индустриальным, заправляла вездесущая Китаина.

Время от времени Элина Исаковна наведывалась в Газ-Сале (место дислокации нефтегазоразведочной экспедиции) и по возвращении в редакцию всякий раз громоздно восхищалась главным геологом, отдавая дань его молодости, организаторской хватке и глубине познания предмета.

Я же с Анатолием Михайловичем познакомилась спустя годы. В 1999-м, когда заступила на должность главного редактора «Тюменской правды». С тех пор нередко встречались, общались. Но, несмотря на все мои симпатии к нему, на весь мой интерес, я ни разу не задумывалась об интервью. Впрочем, вниманием прессы Брехунцов не обделён, как и почестями. Многократный лауреат, не единожды почётный гражданин, заслуженный геолог и первооткрыватель месторождений... У него столько наград и званий, что их с лихвой хватало бы на целое предприятие, а то и населённый пункт.

– Анатолий Михайлович, не сочтите за моветон, но когда так много, не девальвируется ли восприятие всего этого богатства?

– А разумно ли недооценивать награды? Может, надо просто благодарно принимать? Хотя признаюсь: особо значимы для меня профессиональные знаки отличия. Первая грамота, полученная в 1964-м, вообще висит на стенке, в рамочке. Позднее были куда более статусные, но эта сильно памятная. Она как бы венчала мой начальный трудовой этап.

– Но почему геология? Деревенскому выпускнику Покатиловской средней школы (Талды-Курганская область) сподручнее (и логичнее) было бы, наверное, освоить педмед-сельхоз. А тут... Дань моде?

– Выбор профессии пришёлся на 1958 год. Тогда в молодёжной среде, имею в виду пацанов, было два романтических направления: в лётчики или геологи. Небо, как понимаешь, проиграло. Но и в геологи я мог не попасть. Где наш Саркандский район (почти тьмутаракань на границе с Китаем) и Томский политех, куда я засобирался. Тысячи километров, многодневный неведомый путь в общем, до отказа набитом вагоне, где поначалу было ни присесть – ни прилечь, где и документы могли выкрасть, и плюс мой дощатый чемодан с бельишком, курицей и буханкой хлеба. Но меня словно кто-то вёл. Я ведь и экзамены в институт мог завалить. Да что там, фактически завалил: двойка по английскому.

– Абсолютная неспособность к языкам?

– Тут дело в другом. В школе сначала был немецкий, но за три года до окончания учительница уволилась, и пришлось мне студиозно изучать английский. В результате знаний минимум, о произношении вообще молчу. Короче, на вступительных в институт поплыл...

– И?..

– И тут слышу экзаменаторов. Один другому: «Ну, что ему поставить – двойку или тройку?» Сжалились.

– Так вот кому сегодняшний заслуженный геолог Российской Федерации, действительный член Академии горных наук отчасти обязан своей славой.

– Получается, что так. Если бы они меня не спасли, судьба могла сложиться совсем иначе. Хотя сейчас мне кажется, будь по-другому, я б, наверное, предпринял следующую попытку. Говорю же, кто-то вёл меня по жизни.

– «Мечты, мечты. Где ваша сладость?..»

– Смешно, когда я поступал, о геологии у меня было весьма смутное, специфическое представление: молоток и горы. Наверное, потому, что жил в их близости. Но когда формировали группы, набор на специализацию по поиску и разведке твердых полезных ископаемых был ограничен, и кто-то меня надоумил: иди в нефтяники. И я пошёл... Потому и не лазил по горам. В дипломе моя специальность значится так: «Поиск и разведка нефтяных и газовых месторождений».

– Начало трудового пути. Каким оно оказалось?

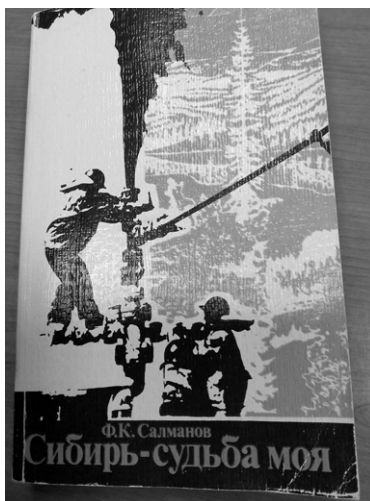
– 1963-й год. Молодой человек 22 лет от роду направлен в Усть-Балыкскую НРЭ. Кстати, здесь, в Усть-Балыкской партии глубокого бурения, я проходил преддипломную практику техникум-геологом цеха опробования.

– Но теперь-то был другой «коленкор». Вы начали встраиваться в этот коллектив уже на правах выпускника престижного вуза, человека, немало знающего и понимающего.

– Э, нет. Номер с заслуженным вузом не прокатывал. Ты должен был доказывать, кто таков, на что способен. Надо было наводить мосты, чтоб тебя понимали, чтоб ты понимал. Коллектив непростой: там были и участники Великой Отечественной войны, и

На Алтае

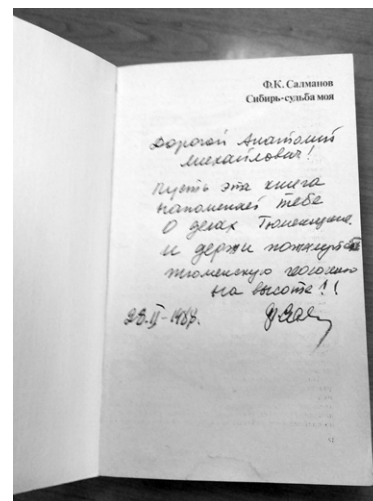
В дар коллеге

«химики» – условно-досрочно освобождённые. А строить его было кому. Начальник экспедиции – Иван Шаповалов, главный геолог – Фарман Салманов. Тогда они ещё не считались легендами. Но были классными, как сейчас выражаются, профессионалами, великолепными организаторами. У них было чему учиться. И я учился.

– Надо заметить, успешно.

Прочитала, что уже в 66-м вас назначили начальником геологического отдела самой северной, Новопортовской, экспедиции. А через год – главным геологом. Арктика не пугала?

– Там действительно было нелегко. Столбик термометра нередко опускался до минус 50. При этом работа не останавливалась. А если учесть, что обитали мы в балках и вагончиках, отапливаемых углём и насквозь продуваемых ветром, то и вовсе по нынешним временам жуть. Но тогда это воспринималось как обычный порядок вещей. Наша повседневность. И мы принимали её как должное. Возможно, потому, что каждый из нас жил в ту пору с осознанием некой особой, что ли, миссии, которую возложила на геологов держава. Естественно, мы не рассуждали

на эту тему. Просто знали: стране нужен газ, стране нужна нефть.

Новопортовское месторождение стало опорным пунктом в наступлении на Ямал. Буровые бригады пошли отсюда на запад, на север, в центр полуострова, к побережью Карского моря. Появились Арктическое, Нейтинское, позже Ростовцевское, Бованенковское, Харасавэйское, Малыгинское месторождения. О Ямальском полуострове говорили как о территории с богатейшими запасами. А имена Вадима Бованенко, Аркадия Краева, Николая Морозова, Иннокентия Кузина, Валентина Иванова, Бориса Прудаева и других вошли в историю геологической разведки.

– Сколько же на вашем геологическом веку месторождений?

– Можно я снижу градус пафоса и отвечу так: при моём участии открыто 126 месторождений углеводородов.

– А самое памятное?

– Да все они оставили метку... Разве что Ямбургская эпопея как-то особо выделилась. Мы тогда в короткие сроки провели разведку редкой сеткой скважин (13 скважин). Результат был ошеломляющий: триллион кубометров газа! Успешно защити-

лись, и большую группу геологов наградили орденом Трудового Красного Знамени.

– Знаю, что вы до сих пор встречаетесь со своими бывшими коллегами. Что это вам даёт? Возможность окунуться в прошлое? Вдохновение? Отдохновение?

– Да я никогда и не задумывался над этим. Вот и сейчас затрудняюсь ответить. Просто общение. Сугубо человеческое общение. Без всяких обязательств. Что сближает людей? Общие интересы. Общие события. Понимание той, прежней, эпохи. Ведь север нас действительно испытывал на прочность. Быт – этот уклад жизни – только условно воспринимался привычным. Непросто было свыкнуться-стерпеться и с лютым холодом, и с непрестанной в зимнее время темнотой, и с неустрашенностью жилья. А сейчас встречаемся – и вспоминается всё это с лёгким сердцем, с шутками. Приятно видеть людей, с которыми ты бок о бок трудился, терпел маленькие неудачи и добивался больших побед. Север в каждом из нас. И мы не вытравим его из себя. Да и зачем? Там было не только тяжело, но и чрезвычайно интересно. Я с этими людьми на одной волне.

– А вам не кажется, что государство недодало тем, кто стоял у истоков большой нефти и газа, благодаря кому страна не только до сих пор в значительной мере восполняет бюджет, но и зарабатывает политический капитал? Когда в 2018 году «Тюменская правда» – по вашей, надо отметить, инициативе – объявила конкурс, посвящённый 75-летию тюменской геологии, некоторые из её представителей, вспоминая героическое прошлое, стыдливо упоминали о незаслуженно скромной (14–18 тысяч) пенсии.

– Дело не в пенсии: её начисляют по установленному государством правилу. А в том, что подавляющее большинство (90 процентов) работников – а в Главтюменьгеологии трудилось тогда около 100 тысяч человек – открывших крупнейшие в мире месторождения, не были допущены к их приватизации. Перекосы прошлого.

– Кстати сказать, буквально днями мне совершенно случайно попала на глаза статья «Нефть любой ценой. А что в остатке?», опубликованная в «Тюменской правде» в сентябре 2014 года. Её автор Геннадий Федотов, бывший секретарь Тюменского обкома (1968–1977 гг.), технический инспектор ЦК Нефтегазстройпрофсоюза так закончил свой опус: «Разве не могли нувористи предсмотреть в своих уставах передачу части нефтяных, газовых акций для ветеранов НГСК? Или отчисление из своих сверхприбылей хотя бы небольшого

ЦОВА

процента? Разве ветераны не заслужили этой малости?»

– Наверняка многие представители нашей профессии задаются этим вопросом. Он стал риторическим.

– Я слышала ваше короткое выступление на недавно состоявшемся торжественном мероприятии по случаю 40-летия ветеранской организации: «Тюменские геологи выполнили поручение партии и правительства, создав за Уралом топливный регион. И во многом благодаря геологам он превратился в цветущий край. К сожалению, времена изменились...» Как говорится, начали за здоровье, а кончили за упокой.

– Ну да. Например, я упомянул Гайдара, который в 90-е заявил, что такой отрасли, как геология, он не знает. Тогда вообще раздавались весьма странные голоса типа «на черта вы столько наоткрывали?» А это ничего, что из добытых на сегодняшний день 26 триллионов газа 23 – тюменских? Обидно и другое: часто ли мы вспоминаем имена выдающихся Эрвье, Салманова, Ростовцева? Вяхирев вообще предан забвению, будто и не существовало никогда этого замечательного специалиста и организатора. Между тем столько дорожущего телевизионного времени отдаётся Киркоровым, Шаманам и прочим «лёгким исполнителям». Геология – слишком большая и серьёзная проблематика, чтобы обсуждать её в этом интервью. Но почему бы не затронуть тему «второго ключа»?

– «Второй ключ» – это от местных кладовых?

– Ну, если образно... Много лет назад полномочиями в области недр были наделены как федеральные, так и региональные власти. Сейчас всё сконцентрировано в Минприроды (Роснедрах). Но почему бы не передать территориям низкорентабельные месторождения. Они бы непременно заинтересовали малый бизнес и принесли пользу регионам, наполнив их бюджетами. Пока это никому не интересно.

– Анатолий Михайлович, а у вас не ёкает сердце, когда проезжаете мимо шикарного здания на Пермь-

В последние годы всё чаще приходится слышать термин «профессиональное выгорание». А Брехунцов до сих пор горит! В ООО «МНП «ГЕОДАТА» руководит Научно-техническим центром, занимаясь в том числе вопросами стратегического развития Западно-Сибирского региона в сфере воспроизводства минерально-сырьевой базы. Участвует в разработке стратегии компании. Активно выступает с докладами на конференциях и иных профильных мероприятиях. Ведёт просветительскую и общественную работу. А ещё всеми фибрами своей души старается сохранить память о первопроходцах. Этому посвящён уже не один фолиант. В настоящее время коллектив под руководством своего неутомимого, неугомонного шефа продолжает работу над многотомным проектом «Время, отлитое в строки. По страницам газеты «Тюменский геолог».

Лариса ВОХМИНА

/Фото из архива А.М. Брехунцова и автора/

кова? Во времена оны в империи по имени СибНАЦ кипела и бурлила жизнь огромного коллектива. Теперь башни бесхозны и безлюдны.

– Уже не бесхозны. Есть хозяин. Продано – куплено. Но, если честно, мне тяжело об этом говорить. Ещё в конце 96-го мы с единомышленниками определили новые подходы к решению вопросов геологического обоснования поиска, открытий и разведки месторождений. А следом была создана структура – не поскромничаю, назвав её уникальной – которая могла стать – и стала! – весьма полезной добывающим компаниям.

Нас, специалистов, поначалу было 20. Плюс единственный 286-й компьютер да энное количество квадратных метров в помещении вычислительного центра Главтюменьгеологии. Всё задуманное некоторые коллеги тогда расценивали как авантюру. Да, в ту пору наши действия требовали риска и решимости. Но ведь получилось! Вот и здание какое отгрохали! СибНАЦ, как писали, стал одним из ведущих научно-исследовательских центров России в области топливно-энергетического комплекса. Увы, кризис в геологической отрасли, вызванный этим обстоятельством изменения конъюнктуры рынка сделали наш аналитический центр заложником. Геологию фактически уничтожили.

– А вы верите в её возрождение?

– Я верю в здравый смысл.

– Было бы странно не затронуть в этой беседе тему минералов – вашей страсти. В силу обстоятельств, как уже сказано выше, пришлось расстаться и с уникальнейшей коллекцией, которой любовались все, кто бывал в офисе СибНАЦа. Однако вы вновь с упорством, достойным не только восхищения, но и изумления, создаёте Сад камней, теперь уже в своей усадьбе...

– Да, дважды в год я бываю то на Урале, то на Алтае, то на Кавказе. Ищу интересные экземпляры для своей коллекции. У меня, конечно, уже нет прежних амбиций: не всё способен возродить. Тем не менее знаю: пока есть силы, не успокоюсь.

– Кто б сомневался...

ПОКА ПУСТО, НО...

КАДРОВОЕ ДОМИНО

Будущие пекари-технологи Александра Федулова и Александра Борисова

По последним данным, в Отечестве сегодня на рабочих местах не хватает примерно 5 миллионов человек. Обстановка ужасающая!

Вот ещё одна цитата из Сети, заводской экономист выразился: «Токаря невозможно найти даже за 300 тысяч».

300 тысяч – это, похоже, в Москве. В момент, когда пишу эти строки, случайно познакомился с земляком: крепкий мужчина лет сорока пяти, под два метра ростом – видно, спортсмен. Рассказал:

– Работаю токарем в Тюмени – система Газпрома. Платят 100 тысяч. Я им говорю: «Увольняюсь, потому как нашёл ставку в 130 тысяч». Отвечают: «Мы тоже поднимем. А пока вот тебе 3 миллиона, купи себе квартиру». Ищу... Не хочу клетушку в городе, найти бы приличный домишко на дачах. Не подскажете товарищество?

Попытался войти в положение. Увы, за 3 миллиона приличный домишко в окрестностях областного центра найти невозможно, просят примерно в два раза больше.

Но это лирическое отступление. Ведь говорим о кадрах. Которые решают всё. Деньги, знаете, тоже играют не последнюю роль. Вот водителей не хватает на общественном транспорте. Отраслевой профсоюз с переменным успехом бьётся над решением вопроса о повышении зарплаты шофёрам и кондукторам.

Где взять нужных людей? Как выйти из положения, которое хуже губернаторского?

Последние два слова – из фигурального образа, вошедшие в русскую речь два века назад, означает: хуже некуда. Но имеем в виду не нашего губернатора. Наш – А. Моор – понимает, что безвыходных ситуаций не бывает. Вообще-то, всё в регионе делается под губернатором. Но обо всём по порядку.

...Выполняю предписанную доктором норму шагов. Процесс

прерывают громкие овации: во дворе Тюменского колледжа производственных и социальных технологий отмечают День первокурсника. Рядом с моим домом филиал, где готовят поваров, кондитеров, пекарей. Между прочим, дефицитные специальности – как в нашем регионе, так и в России в целом.

Как-то мы позабыли, что выпускники тюменского ГПТУ на моторном заводе легко делали ЗРК С-300, до сих пор востребованные во многих армиях мира. Нынче блюдем традиции?

– Готовим специалистов более 30 направлений, – просветили меня в колледже.

В глаза бросились модные «мастерские»: системные администраторы, операторы БПЛА, наладчики КИПиА, ландшафтные дизайнеры, линейные мастера, мастера мебельного производства. Много чисто рабочих званий: стекольщик, паркетчик, столяр, садовод, слесарь, машинисты дорожной техники... Тут земляки обзаведутся дипломами техников и старших техников.

– Сейчас в колледже куются кадры геодезистов – целая группа, – говорит главный инженер холдинга «ТОДЭП» Вадим Колесник. – Практику проходят у нас. Начиная с этого учебного года добросовестным студентам станем выплачивать нехилую стипендию. А вообще, хорошая выучка.

Надо добавить: Вадим Викторович Колесник является членом попечительского совета колледжа. А наставником у студентов служил и служит опытный «тодэповский» геодезист Денис Бархатов.

Хлеб – всему голова. В новом году Гульнара Константинова отметит ровно 40 лет поступления в это заведение. Сначала ученицей. После окончания работала тестоделом на хлебомакаронном комбинате. Но вернулась сюда же – в колледж – мастером производственного обучения.

Вот мастерская хлебопечения. Под крылом, скажем так, наставницы в момент посещения автора две Александры – Федулова и Борисова, Елена Зятькова, Кристина Долгушина, Денис Богомолов, Ярославна Скаряднова, Тимофей Янков. Урок мастер-класса: сдобная булочка с маком.

Это второй курс. Через год ребята станут не просто пекарями, а техниками-технологами хлебопечения.

...Вспоминаю своё деревенское детство. Все мы, пацаны, поголовно мечтали стать, как Сашка – комбайнёр на СК-4 из МТС. Затем пошла мода на космонавтов. Летом этого года провёл опрос: вот на моём снимке двое мальчишек 10–12 лет хотят стать доставщиками еды, пока распространяют листовки от «Галамарта». В доставщики еды не берут по возрасту.

Курьеров по части продуктов в областном центре – яблоку негде упасть: пешие, на самокатах, на авто, на мотоциклах. Больше – на велосипедах. Подбирая эти кадры, разные торговые точки диплома об образовании не требуют. Ни единого класса, даже коридора не надо.

В этом плане кадровый потенциал бескраен. Вот данные Тюменьстата: не имеют образования – 30 052 человека, неграмотные – 7 513 человек. Конечно, прогресс налицо: два года назад 9 000 земляков признавались, что не умеют читать и писать. Крестики ставят в зарплатной ведомости.

О доставщиках еды я готовлю отдельную публикацию. Для начала скажу: платят им не шибко много. Так что воленс-ноленс придется учиться. А раз так, то у Тюменского колледжа производственных и социальных технологий перспективы огромные.

Юрий МАШИНОВ

/Фото автора/

ПО ПОВОДУ

СНЫ ШАРАПОВА О ТРАМПЕ

«Это моя молодая счастливая мама, беременная мной». Мне потребовалась версия деревянной скульптуры, которую по моему заказу когда-то гениально изладил гениальный Володя Шарапов из соседнего городка Ялуторовска.

– Володя! Беда. Край как нужно. Можешь ещё изладить? Чутьточку поменьше и обязательно из нежно-белого дерева.

Ялуторовский гений работает споро. Звонит:

– Я всё сделал, Анатолий. Тут оказия погодилась – скоро сам тебе привезу.

Ну гений, ну виртуоз вдохновенный, других таких не бывает. Шедевр! Сравнить с Роденом? Да Роден бездарно отдыхает. Отсталый напыщенный аристократ Париж в подмётки не годится скромному простолыдину Ялуторовску. Я неприкрыто восхитился. Автор смущается.

Пьём чай из трав моей домашней тайги. Володя рассказывает. Пять годков назад он попал в автоаварию. Сам автор. Сам сидел за баранкой. Пожилой человек не справился с обледенелой осенней дорогой. Убил серьёзно. Рука сломана. Голова ушиблена. Позвоночник нервно дрожит до сих пор.

Когда очнулся – ничего не понял. Будто бы его сон продолжается. Накануне ему приснилось:

попал в аварию. Очухался от сна – слава Богу! – целый. Хотел и на этот раз сон стряхнуть – нет, не стряхивается. Всё болит, кости хрустят, кровь обильная живая.

Не дай Бог вещие сны. Кое-как и долго-долго оклёмывался, оклемался, сейчас всё в организме работает, но порой нестерпимо болит. А ведь уж пять лет, как эта заваруха произошла.

Сибирской породы мужик, жилистый – виду не показывает, жалиться не любит. Таёжный чай расслабляет – Шарапов разговорился. Про политику разговор пошёл.

– Слушай, наемни тоже сон интересный видел, – вспомнил Шарапов. – Трамп приснился. Дональд который. Рыжий. В моём сне Трамп меня на свою инаугурацию приглашает. Заходи, говорит, на инаугурацию.

– Честно?

– А мне с чего врать?

– Ты согласился?

– Вроде согласился. Кивнул.

Но ведь до выборов-то ещё не близко, и кто его знает – дадут ли ему. Невзначай же и кокнуть

могут. У них не заржавеет. Но я кивнул.

– Если приглашает на инаугурацию в твоём вещем сне – считай, Трамп победил. За государственный счёт приглашал?

– Вроде не за свои.

– Жди победы и лети.

Шарапов вдруг озаряется: что-то вспомнил:

– Ведь мне Трамп приснился еще в шестнадцатом году, тоже выборы у них были. Перед самыми выборами и приснился.

– Тогда на инаугурацию не приглашал?

– Не припомню. Но победил после моего сна.

Шарапов – человек смешливый, однако чрезвычайно серьёзный. Ответственный. Просто так ненужного слова не скажет.

Ну, снятся человеку вещие сны. На себе проверены. Что с автоаварией авторской, что с президентом Америки. Другой бы, не Шарапов, сказал – я обязательно бы усомнился. Но Володя... Ему к чему привирать и выдумывать?

– Обязательно поставлю в известность Трампа о твоих снах вещих.

– Зачем? – смеётся Шарапов.

– Как зачем? Это придаст ему уверенности. Он выиграет президентские выборы. Никто не оспорит – сам ещё сонный Шарапов предсказал.

– Ну и что?

– Позовёт на инаугурацию. Спасибо чисто по-американски скажет. Бюст Мелании закажет. За хорошие деньги.

– Бюст Мелании? – профессионал-ваятель заинтересовался задумчиво. – Это как?

– Да просто бюст. Только бюст и больше ничего.

– Меланьин?

– И за хорошие деньги. За доллары без санкций.

По простодушным внимательным глазам Шарапова можно понять: заманчивая идея. Но он

молчал. Хотя, ясно же, образ бюста первой леди ему уже показался.

– Да ладно, – закончил он разговор. – Моя Ольга рассерчает.

Понятно, к Трампу не прольёшься. Как жалко! Мне очень симпатична идея, что русские выбирают президента США. А тут сам Володя Шарапов нечаянно вмешивается в американские выборы. Приятно, что твой гениальный приятель ненароком влияет на ход истории. А шедевр – бюст Мелании – можно бы выставить в Лувре. Нет, не Лувре. В Галерее Карнеги. Музее Гуггенхайма?

Не знаю, какая уж она там эстетка и скупердяйка, но самой-то Мелании шедевр Шарапова, вне сомнения, поглянулся бы.

Может, в Третьяковской галерее? Выставка одного шедевра. Володя Шарапов. Бюст Мелании. Чёрт возьми, какой сюжет мировой истории пропадает!

Целомудренный Шарапов. Более целомудренного ваятеля вы на земном шаре не отыщите. Жалко, что не видели мой заказ – его работу «Моя молодая счастливая мама, беременная мной».

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

/Фото автора/

ГОНОРАР ДЛЯ СЕЛЬКОРА

Известно, что подавляющее большинство внештатных авторов газет пишут свои опусы не только ради минутной славы, но и преследуя вполне материальные интересы – рассчитывая получить за свои публикации гонорар. Чтобы, как водится, в тот же вечер оставить его в местной лавке, торгующей спиртосодержащими напитками.

В середине семидесятых годов прошлого века мне довелось работать в одной из районных газет Свердловской области. Мизерную зарплату там почему-то всегда умудрялись задерживать, а гонорары, пусть копеечные, порой и вовсе «забывали» выплачивать.

Декабрьским вечером 76-го года в редакцию нагрянул один из наших постоянных авторов – Павел Дылдин. Свою фамилию он стопроцентно подтверждал огромным ростом, громкоподобным голосом и пудовыми кулаками, которые без дела у него никогда не скучали. Приезжая в районный центр, Дылдин каждый раз крепко напивался, а затем регулярно бил морды старым и новым обидчикам, всегда доказывая при этом,

что главная фигура в передовом совхозе – механизатор, а вовсе не бухгалтерская крыса.

Вот и в тот злополучный предновогодний вечер Паша заявился в нашу редакцию, будучи уже изрядно подшофе, и потребовал гонорар за истёкший месяц: этих денег вполне должно было хватить еще на пол-литра водки.

Новенькая кассир-бухгалтер, почти девочка на четвертом месяце беременности, услышав отборный мат Дылдина, хлопнулась в обморок. На шум вышел в коридор редактор, маленький сухопарый человек с грустными глазами, и вежливо пояснил, что в настоящее время денег в редакционной кассе нет, но они обязательно будут,

возможно, в конце завтрашнего дня.

– Имей совесть! – проныркоვნено понизил голос Паша. – Я сюда за сорок вёрст уже третий раз приезжаю. Что я вам, мальчик?

– Успокойтесь, деньги мы обязательно вышлем на ваш домашний адрес по почте! – поправив на потном носу очки, интеллигентно пообещал редактор.

Но Паша ему не поверил. Он смачно плюнул на дощатый пол, тяжёлым взглядом окинул сваленные на подоконнике подшивки, старую мебель и прочую редакционную утварь, а затем поспешно вышел на улицу.

Было видно, что он принял какое-то решение.

И точно – обратно Дылдин вернулся с канистрой бензина и начал деловито откручивать пробку. При этом громко ворчал, что деньги на почте за него обязательно получит жена Нинка, которая сама там ра-

ботает, а потому кровно заработанный гонорар опять будет потрачен неизвестно на что, вместо того, чтобы взбодрить истосковавшуюся по празднику душу классного механизатора.

– С пожарной безопасностью у вас всегда были проблемы! – весело подмигнул Паша.

В ту же секунду редактора чуть не сбили с ног учуявшие запах бензина и миглом оценившие ситуацию фотокор и заведующий отделом писем. Следом, придерживая живот, уже семенила по коридору кассирша.

– Аня, сколько там у него по ведомости? – тонко взвизгнул побледневший шеф.

– Ровно шесть рублей и пятьдесят копеек, – с порога доложила кассирша.

– Т-товарищ Дылдин! П-Павел, возьмите деньги! – дрожащей рукой достав из кармана свой кошелек,

крикнул редактор. – Вот семь рублей, сдачи не надо...

– От моей сдачи быки замертво падают! – добродушно усмехнулся Дылдин.

Он сгрёб в потный кулак мятые рубли и напрямик направился в соседний магазин. Напоследок успев снисходительно пообещать редактору, что в ближайшее время обязательно пришлёт ещё пару замечательных заметок о том, как лучше продвинуть социалистическое соревнование среди животноводов, механизаторов и полеводов...

– С наступающим вас! – напоследок рявкнул Дылдин.

Сегодня, спустя полвека, эта история не утратила своей актуальности. Вот только народных корреспондентов в газетах почти не осталось. Да и у тех кишка слаба, чтобы права качать.

Григорий ЗАПРУДИН

С НАСТУПАЮЩИМ!

ЭТА ЁЛКА В АРКТИКЕ...

Речь пойдет о магистральном газопроводе Уренгой – Помары – Ужгород.

Я, автор, с начального колышка наблюдал строительство УКПГ № 1 – первой установки комплексной подготовки газа – это почти в окрестностях Нового Уренгоя. Кстати, городу в Новом году исполнится 50 лет. Затем возводили УКПГ – по масштабам, крупный завод – в Ягельном. А ещё куча матчастей на «трубе»: компрессорные и распределительные станции, подземные хранилища, станции охлаждения, краны, задвижки, свечи, конденсатосборники...

Обычно один справляюсь со служебными обязанностями, но сегодня мне в помощь дали Лёню Власова, фотокорреспондента из главковского пресс-центра. Бежим к вертолёту, проваливаясь в сугробах. Тяжёлые унты уже нагребли тонны снега: вчера только-только успокоилась пурга. Транспортируемся в служебном уазике ни свет ни заря: сегодня, 27 декабря, солнце взойдет в 10.53. Взлёт – в 11.00. Успели!

КВОРУМ ПОД ОБЛАКАМИ

– Наши! – сказал Курамин.

Бортмеханик «восьмерки», схватив нас за воротники казённых полушубков, втаскивает в салон и захлопывает дверь. На борту четыре «союзных» министра. Даже не внёс в блокнот их фамилии. Меня интересовал лишь наш – министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности (Миннефтегазстрой) Борис Евдокимович Щербина. Похоже, он уже тогда обладал полномочиями заместителя премьера СССР, каковым вскоре стал официально.

Вертолёт нехотя принялся раскручивать винты. Тем временем Щербина обратился к «воздушной» аудитории:

– Это вам не селекторное совещание... Короче, общая стоимость сей газотранспортной системы превосходит затраты на строительство БАМа, КамАЗа, ВАЗа и «Атоммаша» вместе взятых. Вот, взглянем на результаты наших трудов с высоты птичьего полета. Доложим туда – ткнул указательным пальцем в потолок «восьмерки», – и, глядишь, генсек упомянет нас в новогоднем обращении к советскому народу.

Полетели.

Не обо всех «наших» упомянул. Конечно, самый родной – это конкретный шеф, начальник Главтюменнефтегазстроя Владимир Петрович Курамин. А ещё тут же начальник Главсибтрубопроводстроя Владимир Григорьевич Чирсков. Тоже почти родной, так как намерен руководить нашим же трестом «Тюменьгазмеханизация». Немного погодя, когда Щербина уйдет в «премьеры», Чирсков возглавит министерство, а Курамин станет его замом.

Вот ещё «кровник»: управляющий трестом «Уренгойгазпромстрой» Василий Данилович Чернышев. Он тут хозяин положения. С него как руководителя генподрядной организации спросят за всё.

... Внизу, под бортом, белым-бело. Лесотундра нравится мне в августе – такая контрастная: то оазис с грибами и ягодами, а

то высокие песчаные барханы – каракумы отдыхают. А сейчас вон, внизу, бредут дикие олени, и волки поблизости...

О безмолвии забудем: на тёмных островках то тут, то там сверкают огни электросварки, тянутся по зимникам колонны тягачей и самосвалов. Министры в салоне шепчутся, пишут в блокнотах, утаптывают великие желания с малыми возможностями.

ГУЛЯЙ ДА ПОЙ, СТАНИЧНИКИ!

О выявленных проблемах сообщать не стану, в своё время мы – пресс-центр – да я и сам лично много писал про всё это в областной газете «Тюменская правда». Коснёмся ныне моментов, о которых ранее писать было не принято.

– Обедать пора, – поднялся с кресла министр Щербина. – До Нового Уренгоя дотянем?

– Война войной, а обед по распорядку! – воскликнул управляющий трестом Чернышев. В советско-финскую войну он был старшиной лыжного эскадрона.

– Где-то надо бы присесть, а то тут болтанка началась – кусок мимо рта пронесёшь... Какие у нас координаты?

Второй пилот высунулся из кабины:

У оленей тоже праздник

Винтокрыл пошёл на посадку

– 66 градусов 14 минут 09 секунд северной широты. Сейчас долготу продикую....

– Ты в натуре давай... по карте географической!

– Притоки Евояхи: значит, слева – Васюдоловаяха, справа – Халзутаяха.

– Давайте примерно между ними... Где-нибудь под елочкой...

– Вообще-то посадка вертолёт с подбором площадки с воздуха категорически запрещается.

Со мной уже был такой случай. Служил корреспондентом газеты «Авиатор Тюмени». И чёрт меня дёрнул в выходной – помню, праздновали День пионерии – исполнить служебные обязанности: рассказать миру о работе экипажа вертолёт Ми-6. На месте второго пилота оказался проверяющий из Ашхабада, опытный летчик со званием Героя Социалистического Труда.

Туда – в Уньюган – доставили материалы и какое-то оборудование. На обратном пути прихватили женщин с детьми. И тут напоролись на буран. На приборной панели загорелась красная лампочка: топлива осталось на 30 минут полёта. Запросили посадку в Тобольске. Тобольск отказал. Куда деваться, сели на колхозное поле.

В кабине ещё тепло, а вот женщины с детьми, расположившиеся в грузовом отсеке на поддонах от кирпича, стали мерзнуть. Скинули им свои форменные кителя с погонами – для «сугреву». Кончилось тем, что пахавший разложил костёр. Тобольск принял только на следующее утро.

Очерк со всеми подробностями тиснул в своей газете. Издание попало на глаза контрольной комиссии из Министерства гражданской авиации. Она уже отбывала в Москву, не найдя никаких нарушений в деятельности ордена Трудового Красного Знамени Тюменского управления ГА. И нате вам – моя публикация. Резюме было такое:

– Командира экипажа лишить права управления вертолётном. Проверяющего – лишить звания Героя. Потому что грубо нарушили наставления по полётам в плане посадки с подбором площадки с воздуха.

И я, автор, взял вину на себя: дал комиссии показания, что ничего такого не было. Просто плод буйной фантазии автора. На том дело и успокоилось.

...А мы уже приземлились на берегу Васюдоловаяхи. В салоне накрывают стол. Мест здесь много: пассажирский вариант Ми-8 рассчитан на 28 человек.

На столе громоздились строганина из нельмы, золотистые балыки из осетра и стерляди, горячие пельмени из термоса, откуда-то возник в тундре экзотический фрукт ананас. Чай. Кофе. Желаящим наливали что покрепче.

– Лёня, – обращаюсь к фотокору Власову – не стесняйся, прикладывайся.

– Да у меня с башлями напряженка...

– Не бойсь, сегодня родина угощает!

– Да-а-а?! Тогда пододвинь ко мне ведёрочко с икрой... Не той, паусной... а зернистой...

Тут Щербина взглянул на иллюминатор «восьмерки» и тихо подпел:

– А на окне наличники,
Гуляй да пой, станичники...
Потенциальный министр подхватил:

– Чёрные глаза в окошке том.
Гуляй да пой, казачий Дон.

При этом добавил:

– Это ведь, Борис Евдокимович, известная казачья песня.

– А я и есть донской казак, – улыбнулся министр, бывший первый секретарь Тюменского обкома КПСС. – Родился в Дебальцево.

– Дебальцево? Выходит, земляки. Моя родина – станица Чирская. Поэтому и фамилия наша – Чирсковы. Отец Григорий Григорьевич лихой был кавалерист. Но пересел на «стального коня» – стал директором МТС.

– Старики утверждали, что Дебальцево основали именно выходцы из станицы Чирской, есаулы казачьи, – подытожил Щербина. – Полагаю, наши с тобой прадеды были знакомы, вместе шашками махали. Надо же, теперь мы с тобой тут рубимся – на земле Тюменской.

Едва завершил абзац, как по ТАСС передали сообщение, цитирую:

«В город Дебальцево Донецкой области вошли казаки Всеволодского войска Донского для защиты населения. Их пребывание обусловлено оказанием помощи в поддержании правопорядка, профилактики преступлений и правонарушений, защите жителей в связи со сложившейся нестабильной ситуацией на Украине».

А в салоне уже заливалось:

– Не буди, атаман, есаула верного,
Он от смерти тебя спас в лихом бою...

– А эту песню – «Есаул» – лучше всех исполняет Надежда Бабкина, – прокомментировал кто-то из министров. – Народная артистка как-никак, к тому же кубанская казачка.

– Бабкина – кубанская?! – раздался женский голос. Не замечали милую даму в общей массе, а ведь именно она организовала разносол на раскладном столе вертолёт.

– Майя меня зовут, – представилась. – Мы с Надей родились почти в один день в городе Ахтубинске Астраханской области. Ахтубинск – город с 1959 года, а была станица под иной вывеской – все поголовно волжские казаки. И я казачка. Надин дед – Григорий Бабкин – есаул, офицер Белой гвардии. Потом был у нас – в Ахтубинске же – председателем колхоза.

А песня в вертушке никак не затухает:

– Задремал под ольхой есаул на роздыхе,

Не буди своего друга, атаман...

– Мы с Надей вместе в художественной самодеятельности

Продолжение на странице 8 стр..

выступали. Разминулись наши пути. Она пошла в артисты. Я в Астрахани окончила пищевой техникум, затем – Рыбвтуз. В местном ресторане «Волга» доросла до поста завпроизводством. Повара что-то нахимичили, заодно и я оказалась в местах не столь отдаленных... Если бы не Василий Данилович... Сейчас являюсь заместителем директора ОРСа № 3.

ОТ СУМЫ И ТЮРЬМЫ...

Да, если бы не Василий Данилович Чернышев. Несколько лет назад я, автор этих строк, писал о главе «Уренгойгазпромстроя». Прочитав фрагмент из своего же очерка:

«...В кабинет влетел помощник Аркадий с телеграммой:

– Данилыч! Бабы! Ведьмы!
– Ну и что такого особенного? – не дрогнув управляющий. – Насколько знаю по опыту, половина баб – ведьмы.

– Так ведь, Данилыч, и впрямь ведьмы: 330 душ условно-досрочно освобожденных из женской колонии... Якобы на зоне обучены штукатурно-малярному делу... Везде от них отказываются...

– А мы примем.
– И куда их? Скопом в новое общежитие, которое сдаём сегодня-завтра по улице Школьной?

– Сколько у нас общежитий – семнадцать, распредели «химичек» по всем: пусть живут в нормальных условиях. И штукатуры с малярами нам нужны позарез. Большой город строим. И помним народную мудрость: от сумы да тюрьмы не зарекайся...».

Майя, замдиректора ОРСа № 3 из тех бывших маляров.

Отложив вилки, аудитория в пассажирском салоне Ми-8 устремила взор на управляющего трестом. Чернышев перевел взгляд на своего шефа – начальника Главтюменнефтегазстроя Курамина. Последнему пришлось отчитываться:

– Судачим о морально-психологическом климате в коллективах. А мы все тут помним выучку Бориса Евдокимовича Щербины. Момент приведу – тогда я был заведующим отделом строительства обкома партии. И тут один из первых секретарей сельских районов допустил крупный по тем временам проступок: бросил семью и завёл себе новую жену. Тоже с детьми. На бюро присутствующие требовали освободить провинившегося от работы. Исключить из партии. Это волчий билет, это крест на человеке.

Товарища и впрямь освободили от прежней работы. И вдруг узнаю: виновному дали работу в Тюмени. Борис Евдокимович

поручил мне решить вопрос с квартирой в столице области, устроить его ребёнка в ясли рядом с домом. Житейский вопрос, знаете же, для Бориса Евдокимовича главнейший. Казацких традиций придерживаемся...

Ну да, как в песне поётся:
– Не буди, атаман, есаула верного.

Не буди, атаман, ты судьбу свою.

ностях Надыма не хватало того, не завезли другого... На всякий случай текст предварительно показал шефу.

– Печатайте, – вздохнул Курамин, – хотя мне это будет горько читать в газете.

Фельетон вышел в «Тюменской правде». И в эту самую пору в Надым прибыл член Политбюро Гейдар Алиев, он курировал обустройство месторождений Запад-

Поэтому ребят в «министерском» вертолёт не оказалось.

Наша фирма – Главтюменнефтегазстрой – соорудила головную часть: те самые компрессорные станции, УПКГ, газоперерабатывающие заводы, а ещё и объекты соцкультбыта: школы, жилые дома, больницы... О них и болели головы министров. Вот и мы с фотокорреспондентом Леонидом Власовым вкушаем кофеёк в пассажирском салоне Ми-8.

...Красное солнце лениво катится по самой линии горизонта. Последний луч светила сверкнёт в 12 часов 58 минут. Времени у нас ещё навалом. Министры просят повторить порции строганины из нельмы.

– Э! – воскликнули в салоне. – А где у нас бортмеханик?! Нет его нигде!

Не стану утомлять читателя рассуждениями. Бортмеханик выскочил из вертолёт по служебным надобностям или по другим делам – и провалился в припорошенную снегом яму.

С автором был случай, короче, из собственной практики. Писал я книгу о городе Губкинском. В качестве иллюстрации задумал жанровый снимок: в кадре ёлочка на первом плане, а дальше – дома-высотки. Долго бродил по окрестностям, наконец, нашёл ракурс. Щёлкнул камерой – и рухнул. Что оказалось: горячие струи – они и в Заполярье встречаются – подмыли толщу снега, осталась тонюсенькая корочка наста. Ступил – и вот я на дне водоёма.

Стою, обтекаемый потоками, а фотокамеру «Никон» – как оружие пролетариата – держу над головой. Было страшно. Состояние такое, будто тюкнули мешком с луком. Кричу-ору, мол, спасите. Глухо. Водитель, подвезший меня на фотоохоту, находился со своим уазиком на довольно приличном расстоянии. В любом случае не услышал бы – шоферюга дрых, воткнув в уши причиндалы с хитовым шлягером.

Я выбрался сам, хватаясь за колкие корневища деревьев. И книга вышла под «крышей» Сибирского издательского дома. В книге на почётном месте мой многострадальный кадр: зеленая ёлочка, жилой квартал на антураже бело-голубых облаков.

Да, тогда я выбрался самостоятельно. А бортмеханика мы с Лёней Власовым втащили в вертолёт вдвоём. Потом он докладывал:

– Нормально там всё. Машина стоит на большом камне. Так что гуляй и пойд, станичники! – и тут же скромно добавил, – если бы шасси оказались на два метра левее, мы бы опрокинулись...

Насчёт запрета посадки с выбором площадки с воздуха. Через три десятка лет наставления по производству полётов кардинально переделали. Давеча – когда набирал текст сего опуса – перечитал приказ министра транспорта РФ. Там сказано, цитирую пункт 3.102:

«Посадка на подобранную с воздуха площадку, состояние поверхности которой неизвестно, выполняется после её осмотра КВС для определения её пригодности для посадки».

Правда, мне не совсем понятно, как КВС – командир воздушного судна – может из-под облаков определить, что там делается под снежным настом. Зато нынче нет запрета посадке с подбором площадки...

...И вот явление Христа, точнее, бортмеханика народу: он весь в снегу – из ямы же вытащили, на голове шапка снега, с усов свисают сосульки, нос краснее астраханских помидоров.

– Дед Мороз!!! – аплодируют министры.

Под эту марку и продолжили пиршество на борту вертолёт Ми-8. Как говорится, кто празднику рад, тот за неделю пьян. До официального Нового года оставалось ещё три дня.

И Снегурочка между нами выявилась – Майя, авангардно накинувшая на белую оренбургскую шаль свои роскошные косы до пояса. Казачка же! В экипаже заваялась балалайка: на днях возили по трассовым точкам ансамбль народных инструментов из Белокаменной, какая-то ворона посеяла матчасть. Ёлка тоже имела: за иллюминатором винтокрыла. И министры дружно заливались:

– Задремал под сосной есаул на роздыхе,

Не буди своего друга, атаман... Гуляй да пойд, станичники!

После перекуса без пяти минут министр Чирсков резюмировал:

– Почему казак гладок, потому что поел – и на бок!
– Какой бок?! – осадил товарища Щербина. – Сейчас же пишем совместный отчет правительству.

...А солнце наполовину скрылось за линией горизонта. И там, кажется, остановилось.

Впоследствии наш шеф – начальник ордена Ленина Главтюменнефтегазстроя Владимир Петрович Курамин – оказался ближе всех нас к царству Берендея. Он возглавил Государственную комиссию по делам Арктики и Антарктики. Опыт уже имелся.

С наступающим, земляки!

Юрий МАШИНОВ

/Фото автора/

Ёлка под шубой

НЕ ВСЁ И ВСЕ В РОЗОВОМ СВЕТЕ...

У читателя возникнет резонный вопрос: как это заштатные журналисты попали в компанию министров. Отвечу. Когда в главке создавался пресс-центр, шеф Курамин поставил задачу:

– Ни в коем случае не надо подавать о наших делах всё в розовом свете. Значит так: 50 процентов – о передовом опыте, 50 процентов – критический анализ.

По случаю высокая партийная комиссия проверяла: чем там заняты пресс-центры. Лично мои публикации проштудировали: 67 процентов статей и корреспонденций – критика деятельности главка. Однажды создал фельетон, который касался заместителя начальника Главтюменнефтегазстроя по снабжению. Поднималась тема логистики: в окрест-

ной Сибири. Шум был. Но в итоге создали рейд по разгрузке судов на 107-м километре реки Надым. Заслуга, конечно, транспортного управления главка и Обь-Иртышского пароходства. Обустройство Медвежьего месторождения несколько ускорилось. После этого Курамин стал приглашать нас на важные встречи.

У Главсибтрубопроводстроя, которым руководил Владимир Чирсков, тоже имелся свой пресс-центр. И тоже из бывших сотрудников «Тюменской правды»: Владимир Гохфельд ранее руководил в газете отделом культуры. Оказались в «трубачах» наш коллега и поэт Александр Гришин, корреспонденты-правдисты Валерий Перевощиков, Владимир Савостин... Они освещали строительство линейной части магистрального газопровода Уренгой – Помары – Ужгород.